Теплова В.А.

Трансформации в церковно-приходской жизни православного населения Полоцкой епархии (1839-1917 гг.)

Последствием Полоцкого Церковного Собора 1839 г. явился непростой путь возвращения сотен тысяч униатов белорусских земель к практике православной жизни. По меткому замечанию Г.Я. Киприановича, «дело воссоединения совершилось, но далеко еще не завершилось в 1839 году» [8]. Более чем 200-летнее пребывание православных в составе греко-католической церкви оставило заметный след в сознании верующих. Известно, что униатская церковь в первой трети XIX века в своей обрядности имела многие черты, скорее западной христианской традиции, нежели восточной. Это осознавалось православными иерархами как серьезная проблема, в том числе – как опасность сближения с католицизмом. Многие бывшие униаты после 1839 г., формально считавшиеся православными, по разным причинам (зависимость крепостных крестьян от помещиков, активная миссионерская и храмостроительная деятельность римо-католиков, тайное обучение основам католической веры и польскому языку, устанавление католиками новых местночтимых праздников), посещали костелы, исповедовались у ксендзов, т.е. являлись католиками на практике [46, л.166 об.]. Епископ Савва (Тихомиров) в 1870 г. объяснял посещение православными католических храмов безграмотностью народа. Он писал: «Простой народ Полоцкой епархии при своей необразованности не имеет ясного понятия и различия между православием и католицизмом, и потому он в праздничные дни безразлично посещает как православный храм, так и латинский костел. Даже последний иногда скорее, нежели первый. Привлекает внимание простолюдина то красивая и величественная архитектура, то игра на органе, то мнимая святыня, без которой ни обходится почти ни один костел» [30, л.5 об, 6].

Бывших униатов и православная церковь, и костел считали своей паствой. Православные – в силу факта воссоединения с православной церковью, католики – в силу единства вероучения. На этой почве зачастую между православным и католическим духовенством возникали конфликты. О противостоянии между католическим духовенством, а также большей части привилигированного сословия со сторонниками воссоединения накануне Полоцкого Собора свидетельствует секретная инструкция «По воссоединению униатов с православием в Западных губерниях» 1839 г., согласно которой правительство для устранения возможных противодействий процессу воссоединения со стороны римо-католического духовенства и помещиков латинского исповедования наделило особыми полномочиями генерал-губернаторов западных губерний. Только в 1847 г. генерал-губернаторы решили не продлевать действие секретной инструкции, что свидетельствовало о некотором снижении напряженности между православными и католиками [18, л.10 об., 11, 11 об.].

Серьезное противостояние между двумя христианскими конфессиями в Полоцкой епархии вызывал вопрос о «разборе совращенных». Проблема заключалась в том, что католическое духовенство после выхода в апреле 1842 г. указа «О разборе совращенных», согласно которому православные и католики должны были произвести взаимный разбор прихожан «совращенных» из унии в католичество, считало часть прихожан, числившихся православными, своей паствой и нередко привлекало их к католическому богослужению. Разбор верующих затягивался. Полоцкая духовная консистория предписывала подведомственному духовенству «предпринимать усилия» к скорейшему окончанию разбора. Как следует из указов консистории, прекращение споров между православными и католиками о принадлежности прихожан к тому или иному исповеданию зависело только от римо-католического духовенства, которое не исполняло правительственный указ. Для того чтобы не обострять конфликта, в секретных указах консистории было предписано «обращать в православие уклонившихся в латинство только кроткими мерами» [10, л.6, 6 об.,11,11 об.]. Однако даже спустя 18 лет после обнародования этого указа имели место случаи, когда верующие, переданные ксендзами после разбора, продолжали держаться католических обрядов. Таких верующих было особенно много в приходах Дриссенского и Лепельского уездов.

По мнению одного из благочинных епархии причиной упорства в католичестве ранее совращенных в унию служил «страшный фанатизм местных латинских ксендзов». Имея сильное влияние на прихожан, они внушали, что униаты неправильно, без всякого документального обоснования были переданы в православие и могут потому совершенно беспрепятственно принадлежать к Римской церкви [11, л.69 об.,70 об.,74 об., 97, 98]. И хотя выход указа 1842 г. снизил остроту проблемы, однако она, то затихая, то обостряясь, продолжала существовать вплоть до 1917 г.

Конфессиональная ситуация осложнялась и тем, что аппарат местной власти на белорусских землях был наполнен чиновниками, имеющими польскую идентичность и настроенными антироссийски [9]. Зачастую они использовали свои связи для борьбы с возрождающимся православием. Однако и православные российские чиновники мешали деятельности православного епархиального начальства, так как незаметно подпадали под влияние местного польско-католического сообщества. Крепостная зависимость крестьян от помещиков также заставляла крестьян идти в костел, а не в православную церковь. Католицизм оставался конфессией привилегированных слоев общества. К тому же уровень образования и проповеднической подготовки католического духовенства был намного выше. Правда, у православных, как альтернатива этому, была государственная поддержка. Но она не всегда была последовательной и порою с применением неудачных мер.

Сильное влияние на отказ присоединиться к православию оказывали католические миссионеры, первейшая и главнейшая цель которых заключалась в сохранении бывших униатов в лоне римского католицизма

[20, л.15 об., 16]. Примерно в 1860 г. католическое духовенство по благословению своего митрополита ввело так называемое сорокачасовое «набоженство», которое приняло характер религиозно-политической миссии в Лепельском, Полоцком и Дриссенском уездах. Этот новый обряд совершали от 15 до 20 ксендзов и полоцких доминиканцев, которые собирались в одном костеле. Как правило, оно проводилось с мая по сентябрь и устраивалось поочередно в костелах в православные праздники, особенно в храмовые [21, л.2, 2 об.]. Понятно, что приурочивание «набоженства» к православным праздникам имело целью привлечение православных к посещению костелов.

Приобщению крестьян к латинскому богослужению способствовали и помещики, освобождавшие своих крестьян от работ во время католических праздников. В дни, празднуемые православной церковью, они, напротив, занимали крестьян разными работами [44, л.20 об.], перемещая их в местности, где не было православных церквей [41, л.114 об.]. Только в 1855 г. случаи «совращения в латинство» имели место в Речицко-Люцинском благочинии, где ксёндз Розентовского костёла венчал по католическому обряду крестьян православного вероисповедания, в Дриссенском благочинии, где ксёндз призывал прихожан Свольнянской Свято-Николаевской церкви к переходу в католицизм. Рапорты о переходе в католицизм лиц православного вероисповедания поступали в Полоцкую духовную консисторию в 1855–56 гг. от Витебского, Себежско-Нищанского, Бешенковичского, Бобыничского, Динабургского, Лепельского благочинных [13, л.1-39]. Оценивая конфессиональную ситуацию, сложившуюся в Полоцкой епархии в 1857 г., епископ Василий (Лужинский) обращал внимание на безнаказанность действий католических священнослужителей: «Опыт предыдущих лет показал, что все дела о преступлениях католиков по отношению к православию при содействии католических помещиков и проявлении сочувствия к ним чиновников расследовались с пристрастием и в присутственных местах всегда решались не в пользу православной церкви. Эти дела возбуждали только слухи, нарекания и озлобления на православное духовенство. Напуганные таким образом священнослужители Полоцкой епархии даже о вредных для православной церкви действиях католиков перестали доносить, которые по своей очевидности не требуют доказательств или же имеют самые неопровержимые» [22, л.234 об.]. В отчете Св. Синоду архиепископ Василий (Лужинский) делится своими наблюдениями за 17 лет архипастырства: «… Католики строят великолепные костелы, для которых почти нет прихожан. Православные храмы почти везде находятся в трудном состоянии, или совсем падают; если и строятся, то вследствие моей усиленной переписки. Большой частью они перестраиваются из каких-нибудь деревянных развалин, очевидно на короткое время существования. Латинские каплицы строятся или возобновляются почти при каждом зажиточном дворе. А во многих приходах уже более 20 лет нет храмов. Все это должно смущать не только не так давно воссоединенный простой народ. Латинское духовенство обеспечивается от своих единоверцев с избытком,

везде у них в почете. Православное духовенство всегда должно вращаться в низшем кругу, жить скудно и трудом пахарей добывать средства к своему с семейством пропитанию.

Мне было легче в благоприятное время воссоединять сотни тысяч униатов в пяти губерниях бывшей Белорусской епархии и положить многообещающее начало присоединения раскольников к единоверию, нежели сейчас охранять вверенную мне паству от влияния торжествующих латинян и защищать воссоединенных и единоверцев от злых наветов и усиленных ими козней, искушений и соблазнов» [23, л.251, 252, 252 об., 253].

В отчете Св. Синоду за 1859 г. епископ Василий еще раз обращает внимание на действия католического духовенства по сохранению своей паствы: «…образованные монахи и монахини, пропитанные фанатизмом, а кроме того, и ухищрениями других духовных их пособников: помещиков и должностных лиц с такой же духовной злобой и ненавистью к православной церкви. Все они связаны такой клятвой – не щадить ничего для достижения цели. Все для них возможно, хотя бы и сопровождалось кровавыми жертвами. Не говоря уже о том, что все духовные изрыгают страшную хулу на Святую Церковь при исповедании людей и грозно укоряют всех за сообщение с ней. Они внушают воссоединенным простакам, что Русская православная церковь, не состоящая в общении с Римо-католической церковью, отпавшей от греческой, не имеет благодатных таинств. Они искушают простолюдинов фестами, крестными ходами и сорокачасовыми богослужениями, оглашая народу торжественно папские отпусты (новые разрешения от греха)» [24, л.406, 406 об.].

Привлечению к католицизму служили также торжественные разъезды католических епископов. Так в 1857 г. через 9 уездов Витебской губернии проезжал католический митрополит Жилинский в сопровождении нескольких десятков помещиков и прелатов духовной консистории. Пышные разъезды иерархов католической церкви служили утверждению внешнего превосходства католицизма перед православием. Православные епископы, свита которых была значительно скромнее, по словам архиепископа Полоцкого и Витебского, не имели такой возможности [47, л.155, 155 об.].

Другим было отношение простых верующих католиков к православной церкви, особенно там, где вблизи не было костелов. Католики посещали православные храмы и молились вместе с православными. Об этом явлении в Св. Синод неоднократно сообщали архиепископ Василий (Лужинский) и епископ Савва (Тихомиров). Известны случаи, когда при обозрении епархии католики спешили получить от православного архиерея благословение [25, л.32, 32 об., 33] и в глубочайшем благоговении целовали святой крест, что свидетельствовало о почитании католиками православных святынь [42, л.3].

Таким образом, церковная жизнь населения Полоцкой епархии дает любопытный пример причастности значительной части верующих и к православным, и к католическим богослужениям. Однако вряд ли можно считать справедливым представление о православной церкви первых десятилетий после Полоцкого собора как, безусловно, господствующей. Во

многих случаях влияние костела на население было намного сильнее, тем более что католическое духовенство в разных формах поддерживалось привилегированным сословием материально.

Серьезной проверкой твердости бывших униатов в православии явилось восстание 1863 – 1864 гг. Православное население Полоцкой епархии не поддержало восстание. Ставка на то, что идеи униатства еще не погасли в душах бывших униатов не оправдалась [42, л.3; 3, с.168; 48, с.137]. С этого времени начинается новый этап во взаимоотношениях между католическим и православным духовенством. Открытая прозелитическая деятельность стала невозможной. Изменилось и отношение гражданской власти к деятельности православного духовенства Полоцкой епархии. Так, когда в 1867 г. крестьяне Ляховского общества Дриссенского уезда, «совратились из православия в католицизм», а увещевания священника не помогли, епископ Полоцкий и Витебский Савва (Тихомиров) обратился к Витебскому губернатору, с просьбой принять меры против «фанатизма крестьян Ляховского общества». В результате двоих крестьян отличающихся «крайним фанатизмом» выслали на жительство в Уфимскую губернию [1, с.50, 51].

Чтобы не провоцировать открытого противостояния, православное духовенство при межконфессиональных контактах соблюдало подчеркнутую толерантность, но, в то же время, не делало уступок и послаблений там, где это было вредно интересам православной церкви [26, л.166 об]. Католическая пропаганда в Витебском крае заметно ослабла в 1870 – 1890 гг., хотя совсем не исчезла [27, л.21 об.]. Как свидетельствуют данные из отчета Св. Синоду епископа Александра (Заккиса) за 1894 г. во взаимоотношениях двух конфессий наблюдается потепление, «некоторые из священников разделяли с ксендзами хлеб-соль. Православное духовенство к католикам относилось кротко и миролюбиво. При всяком удобном случае словом, делом и самим образом жизни православное духовенство старалось расположить их к себе и к православной пастве» [28, л.74]. Но, тем не менее, и в это время известны случаи, когда католическое духовенство в некоторых районах Дриссенского и Лепельского уездов, где преобладало римо-католическое население, преподавало требы православным [29, л.28 об.] или намеренно обостряли отношения между духовенством и паствой [13, л.125 об.].

В свою очередь, православное духовенство также проводило миссионерскую работу среди католиков. В результате этой деятельности в 1864 г. в православие перешло 170 дворян и несколько десятков мещан и крестьян [43, л.2 об]; в 1870 г. 133 католика были присоединены к православию; в 1875 г. – 87; в 1886 г. – 29; в 1896 г. – 51; в 1904 г. – 46 [31, л.22; д.637, л.37 об., 42; д.1095, л.38; д.1633, л.52 об; д.2048, л.20 об.]. Однако одновременно имелись случаи перехода из православия в католицизм. Так, в 1870 г. 17 православных перешли в католичество; в 1884 г. – 2 [32, д.389, л.22; д.1042, л.15 об.]. Редкость переходов можно объяснить тем, что переход из православия в другую конфессию был запрещен гражданским

законодательством Российской империи. Витебский губернатор В.М. Долгорукий в отчете министру внутренних дел Д.А. Толстому за 1888 г. объясняет это тем, что: «…римско-католическое духовенство, служа орудием элиты общества, имевшей польскую идентичность, неоднократно продолжает поддерживать дух политической и религиозной нетерпимости в отношении к русскому народу. Ксендзы постоянно внушают своим прихожанам вражду ко всему русскому и строго запрещают им сближение с православными, в особенности заключение браков. Они угрожают во всех таких случаях проклятиями, недопущением до причастия и другими духовными карами. Когда эти меры не помогают в отношении браков, то ксендзы отказывают им в необходимых метрических документах…» [45, л.8].

После выхода 17 апреля 1905 г. указа «Об укреплении начал веротерпимости», согласно которому стали возможны переходы из православия в другую конфессию, начинается новый этап в межконфессиональных отношениях. По свидетельству Полоцкого епископа Серафима (Мещерякова) обстановка в епархии вследствие действия нового указа вновь становится напряженной и вызывает необходимость изменить тактику во взаимоотношениях с католическим населением. В отчете за 1906 г. он писал: «С изданием манифеста 1905 года о вероисповедной свободе <…> католическое духовенство, до этого времени действовавшее скрытно, теперь с объявлением всяких свобод выступило в открытую борьбу с православием и повело открытую пропаганду, в особенности по отношению к бывшим униатам, не стесняясь при этом ни в каких средствах. Естественно, что православное духовенство должно было также выступить на защиту своей паствы путем проповеди, раздачи листков и изобличения лжи католических ксендзов» [33, 10].

В тоже время владыка Серафим констатирует, что бывшие униаты, не смотря на возможность свободного перехода в католичество, «сохранили верность православной церкви». «Благочестие в народе в отчетном году с изданием манифестов о свободах подверглось великому испытанию и это вполне подтвердило прежние отзывы о твердости простого народа в православии и других исконных русских началах. Если и были отпадения в католичество, то сравнительно с числом бывших униатов оно незначительно, большинство униатов осталось верным православию, были и есть приходы, окруженные католиками, где не было ни одного случая совращения», – писал епископ в своем отчете за 1905 год [35, л.24]. В католичество, согласно отчету епископа Серафима, в 1905 году отпало 1575 человек [35, л.24]. Это обстоятельство, с точки зрения епископа, доказывает, что православие в Полоцкой епархии укрепило свои позиции настолько, что даже потрясения вызванные указом 17 апреля не могли поколебать религиозные убеждения нового поколения бывших униатов, выросших в традициях православия. Тем не менее, для выяснения причин отпадения православных в католичество епископ Серафим 31 мая 1905 г. проводит пастырское собрание, на котором присутствовало городское и сельское духовенство. Причинами отпадений в католицизм, по мнению духовенства, были: расположенность части паствы к

костелу; смешанные браки; красота и пышность католических богослужений; слабое развитие пастырской миссии в бывших униатских приходах. Автор статьи «Воинствующий католицизм», опубликованной в «Полоцких епархиальных ведомостях» подтверждает мнение духовенства: «Едва ли найдется дом, в котором не было бы нескольких католических молитвословов. Малейшее торжество католической церкви находило живой отклик в сердцах населения, официально считающееся православным. Каждое такое торжество ознаменовывалось раздачею богомольцам на память вещественных знаков в виде образов, четок, книжек и пр. Еще одной причиной являлось слабое развитие пастырской миссии в приходах, образованных из униатов. Эти приходы большей частью очень бедные, а потому они не только не привлекали к себе хороших священников на долгое время, напротив, последние смотрят на свое пребывание в таких приходах, как на временную ссылку, а потому думают лишь о том, как бы скорее перевестись в другой, чисто православный приход. Понятно, что при таком отношении к месту своего служения ни один священник не может отдаваться делу миссии с тем огнем, который особенно необходим пастырю в приходах с «упорствующими и колеблющимися» [2, с.288–297].

16–18 ноября 1905 г. в Полоцке состоялся первый епархиальный съезд духовенства и мирян, на котором обсуждались те же болезненные для православной церкви вопросы: влияние указа о веротерпимости на жизнь православного населения; причины доверия населения к проповедям ксендзов, наставников, девоток и т. д. и, наоборот, ничтожное влияние на население проповедей православных священников; условия, способствующие отпадению от православия; деятельность сектантов по обращению православных в свою веру; изменение миссии соответственно новым условиям [33, л.10].

Причины массовых отпадений из православия в католичество согласно решениям съезда заключались в тайной пропаганде католичества и отсутствии со стороны православного духовенства мер к ее ослаблению, многовековых традициях, воспитанных костелом (богослужение, частые исповеди, обряды погребения), нерадивость части православного духовенства, а также более удачное географическое расположение костелов [17, с. 43–48,85–89]. Причины отпадений в католичество обсуждались и на собрании Миссионерского комитета 24 сентября 1908 г., на котором присутствовали священники почти из всех уездов епархии. После обсуждения члены собрания пришли к следующему заключению: не все воссоединенные из унии принимали православие по убеждению; многие не только из мирян, но и из воссоединившихся священников по своим убеждениям были более склонны к католичеству; как со стороны епархиального начальства, так и местного духовенства, опиравшихся на защиту гражданских законов, не было принято своевременно должных мер к укреплению воссоединенных в истинах православной веры; воссоединившиеся из унии все время находились в тяжелой экономической зависимости от помещиков-поляков; ничем не обуздываемые после издания

указа 17 апреля 1905 г. ложь, обман, прельщения, угрозы, издевательства, насмешки и разные насилия со стороны ксендзов и их сторонников над православными [18, с. 203–207]. На съезде были разработаны рекомендации для обязательного исполнения, направленные на ослабление католичества в Полоцкой епархии. Они включали: распространение листков миссионерского братства, молитвословов, Евангелий, принятие исповеди в любое время с наложением епитимий; частое совершение крестных ходов около храмов и к ближайшим приходам, создание кружков «ревнителей православия»; оказание материальной помощи «слабым в вере»; содействие закрытию польских тайных школ. В справочных изданиях по Полоцкой епархии за 1912 и 1913 гг. сообщается, что большая часть намеченных мероприятий духовенством была выполнена [49, с.113].

Пастыри Полоцкой епархии сообщали о случаях, когда ревнители католицизма пользовались народным невежеством при толковании указа о веротерпимости. «Ксендзом, – пишет один священник, – указ был объявлен в костеле с приглашением явиться к нему и записаться, кто желает оставить православие; одновременно через девоток было объявлено по деревням с православным населением, что от царя вышел приказ, чтобы все были католиками, – всюду разнесла молва, что в Петербурге все начальники перешли в католичество; все церкви будут обращены в костелы, а священники перейдут в католичество и будут ксендзами. Поднялась сильная смута. Народ толпами стал двигаться к ксендзу записаться. Чтобы не дать народу одуматься, было объявлено, что записывать будут только несколько дней, а потому необходимо спешить» [2, с. 288–297]. Или другой пример распространения ложных сведений об указе 17 апреля среди простого народа. В одной деревне прибивают к стене объявление губернатора о мерах против холеры, обступили бабы, «… а знаем, говорят, это манифест царя, что все должны быть католиками». Пускались и такие слухи: «ведь царь наш только тогда войну начал, когда римский папа ему позволил и благословил его на это», «а про государыню давно известно у нас, что она католичка» [5, с. 236–238].

Священник Кирилл Зайцев в статье «В чем сила католицизма?» утверждал, что распространителями подобной дезинформации часто служили девотки или законницы. Они являлись, по убеждению священника, «правой рукой ксендзов, исполнительницами его воли, и в тоже время как бы ширмой, за которую можно спрятаться, если бы пришлось дать ответ за свои противозаконные действия» [6, с. 390–397].

Серьезной причиной отпадения от православия в католицизм являлась тайное обучение польскому языку и основам католической веры, т. е. скрытая просветительская работа поборников польской культуры и католицизма. С переходом в православие бывших униатов Дриссенского и Лепельского уездов опека и руководство ксендзов духовной религиозной жизнью народа не прекратились, а еще более усилились. По-прежнему поддерживались и развивались тайные польские школы, в которых обучением занимались местные уроженки, выдержавшие искус в римо–

католических монастырях – девотки, под тайным руководством ксендзов. Почти в каждой большой деревне с наступлением осеннего времени девотка собирала девочек для обучения. Чтобы отклонить всякое подозрение о существовании тайных школ, девочкам приказывалось являться в известную избу с прялками, где девотка обучала девочек польским молитвам, катехизису, грамоте и пению. Есть все основания считать, что вместе с этим детям прививалась и неприязнь к православию. Действия девоток проверялись ксендзами, и таким образом вся женская половина Дриссенского уезда оказалась, благодаря опеке девоток, знающей в совершенстве католический катехизис, была глубоко предана папе и ксендзу. Многие из православных девушек Дриссенского уезда прошли школу девоток и в свои семейства внесли неприязнь к православной церкви [17, с. 43–48].

В одном из номеров ПЕВ за 1905 г. была описана деятельность некоей Т. из Ломжинской губернии, которую в Витебскую губернию пригласил богатый помещик Двинского уезда. Она дала обет Богу посвятить свою жизнь возрождению польской культуры и языка среди литовцев и латышей-католиков. Помещик за это платил. Работая в Двинском уезде в семьях, где родители ни слова не знали на польском языке, она в течение 5 лет добилась того, что дети стали стыдиться говорить между собой на родном языке, предпочитая польский. Ревнительница польской культуры раздавала крестьянам не только брошюры, но и полезные в крестьянском обиходе вещи. Работая подобным образом на землях, прежде входивших в состав Речи Посполитой, и, прежде всего, среди девушек, девотки, безусловно, способствовали распространению убеждения в превосходстве польской культуры по сравнению с родной [15, с. 518–519]. Госпожа Т. рассказывала, что такими девушками, как она, посвятившими себя служению католической церкви и польским культурным традициям, заполнена вся Литва. Известны случаи, когда в деревнях, где католики были в большинстве, открывались настоящие гонения на православие. В дело пускались все средства. Например, чтобы заставить бедную женщину перейти в католичество любой фанатик католик пускал в ход не только убеждения, но и угрозы: «Мы тебе помогать не будем, ты с голоду помрешь, если заболеешь и будешь лежать в постели, мы не дадим <…> тебе и глотка воды» [2, с.288–297].

В 1839 году «отторгнутые насилием были воссоединены любовью», а после 17 апреля 1905 г. «воссоединенные любовью» вновь отторгались насилием. Малообразованному, фанатичному католическому народу было объявлено, что он должен стараться обратить в католичество православных, что в этом и заключается его спасение, этим он заслужит прощение грехов [7, с. 236–238].

Священник Кирилл Зайцев приводит многочисленные примеры из жизни православных: «Особенно много перетерпела одна вдова деревни М. Ева Кириллова. Она была крещена в православии, никогда не ходила в костел, усердно посещала церковные службы. Эта стойкая православная женщина все перенесла – угрозы, издевательства, насмешки, много слез пролила, когда все родственники отказались от нее и при встрече

отворачивались, как от зачумленной. Особенно тяжело ей было, когда не давали покоя ее 8-летней дочери, которая долго тяжело болела. Причину болезни, конечно, католики видели в том, что она не желала оставить «русской» веры. Фанатичные католические женщины и девотки подкарауливали, когда самой матери не было дома, тотчас собирались они целой толпою, окружали постель умирающего ребенка и начинали мучить его своими речами: «… ты плачь, проси маму, чтобы сама она переходила в католичество и тебя бы записала; как хорошо тебе будет тогда, ты будешь умирать, ведь ты не выздоровеешь, мы придем, станем вокруг твоей постели, будем петь святые песни». Ей дали последний срок для записи ксендзу, «иначе соберутся родственники и ее повесят…» [6, с. 390-397]. Описывается и другой случай. Крестьянин деревни Сосницы Иван Петров хотел задушить своего взрослого сына за то, что тот не хотел вместе с ним переходить в католичество. Если бы не сбежались соседи, то, наверное, преступление было бы совершено. За то, что сын твердо решил остаться в православии отец выгнал его из дома и лишил имущества [6, с. 390–397].

Иногда православные переходили в костел, привлеченные торжественностью и красотой богослужения (привлекала органная музыка), богатством храмов. «Самые церкви православные, – говорилось в одной из статей ПЕВ – <…>, поражают своею бедностью и убожеством; духовенство в этих приходах живет также бедно. Это обстоятельство имеет для народа большую важность. Ваша вера – холопская, у вас попы живут нищими, часто говорят католики православным, – а у нас – все паны ездят на тройках в костел <…>. Громадную силу имеет здесь экономическое положение православного населения, именно материальная зависимость населения от помещиков – католиков, которые прямо заставляют крестьян ходить к ксендзу под угрозой лишить их земли или куска хлеба» [2, с. 288–297]. Таким образом, бедность православных церквей и приходов противопоставлялась костелам, представляющим более элитарную религию.

На пастырском собрании, созванном епископом Серафимом в 1905 г., были выработаны меры для предотвращения отпадений от православия: ознакомление населения с истинным смыслом указа 17 апреля о веротерпимости; широкое развитие в православных приходах пастырской миссии; приходы, в которых преобладало католическое население, обеспечить материально и поставить священника вне всякой зависимости от прихожан [2, с.288–297].

На епархиальном собрании миссионерского комитета в 1908 г. в целях укрепления православных в вере, удержания от уклонений в католицизм и возвращения уклонившихся участниками съезда были признаны полезными следующие меры:

1. Главнейшим средством в полемике с римо-католиками, как по догматическим, так и по обрядовым расхождениям должно стать Священное Писание.
2. Единение пастырей между собой и их энергичная деятельность в приходах без подрыва авторитета друг друга.

3. Поддержка церковноприходских школ и школ грамоты, как незаменимых миссионерских пунктов, привлечение к ним учащихся, которые бы могли вести миссионерскую практику.

4. Введение общего пения в сельских храмах, распространение пения псалмов и молитв в деревнях.

5. Организация чтений в школах, которые должны сопровождаться пением.

6. Произношение пастырями поучений наизусть, без тетрадей, живым народным языком.

7. Устройство крестных ходов с максимальной торжественной обстановкой из прихода в приход, где это представляется возможным.

8. Введение дополнительных уроков по Закону Божию для сообщения систематических знаний по вероисповедным расхождениям.

9. Катехизация взрослых юношей и девушек.

10. Обеспечение причтов достаточным содержанием от казны.

11. Привлечение к миссионерской деятельности наиболее ревностных прихожан [18, с. 203-207].

Деятельность по реализации намеченных мероприятий привела к тому, что к началу 10-х гг. XX века работа по предотвращению уклонений в инославие стала приобретать иные формы. Отсутствие опоры на административный ресурс подталкивала духовенство к использованию школьного образования, катехизации и миссионерской деятельности как основных средств упрочения православной веры. Большое значение в укреплении позиций православия сыграло перенесение мощей преподобной Евфросинии Полоцкой в 1910 г. из Киева в Полоцк.

В 1915 г. для укрепления веры в народе и ограждения православия от иноверия стали использоваться приходские братства, в состав которых входили образованные и твердо убежденные в православии прихожане, способные не только полемизировать с инославием, но и вести аргументированную пропаганду своей веры. Так в Полоцкой епархии возник институт приходских миссионеров [39, л. 60 об., 61].

Возрождению религиозно-нравственной жизни православных в Полоцкой епархии, явно обозначившемуся к началу XX в., способствовало также открытие и деятельность церковно-приходских школ, церковно-археологического музея и бесплатной библиотеки-читальни. С этой же целью по воскресеньям и праздничным дням проводились вне богослужебные собеседования. Священник Гегель предложил сопровождать их церковными песнопениями. Для образования псаломщиков, способных руководить такими хорами, предлагалось открыть курсы пения [17, с. 43–48, 85–89].

Священник Кирилл Зайцев рекомендовал для религиозного образования православных верующих использовать брошюры, в которых бы простым разговорным языком объяснялись «заблуждения» католицизма. По его наблюдениям печатное слово на крестьянина производит неотразимое впечатление. Оно «возвышает в глазах православных их веру, как единую согласную с Христовым учением, и дает в руки православным оружие для

отражения нападений со стороны приверженцев католицизма». Миссионерские листки, по убеждению священника, также окажут действие и на тех, кто необдуманно перешел в католицизм [4, с., 492–496].

О результатах миссионерской деятельности можно судить по количеству верующих, отпавших из православия в католичество. В 1905 г. число перешедших из православия в католичество было 1575 человек, в 1906 г. – 218, в 1908 г. – 284, в 1909 г. – 226, в 1912 г. – 76 [16, с. 790–795; д. 2167, л.10; д. 2292, л. 6; д. 2537, л.6]. Из католичества в православие в 1905 г. обратилось 25 человек, в 1906 г. – 28, в 1908–1909 гг. – 48, в 1912 – 50[16, с. 790–795; д. 2167, л.10; д. 2292, л. 6; д. 2537, л.6]. Отпадения из православия за 1912 г. в большинстве случаев были вызваны смешанными браками и материальной зависимостью прихожан [40, л.6].

Таким образом, в течение 1839 – 1917 гг. Полоцкая епархия переживала сложный процесс постепенного возрождения православия. Если в период 1839–1863 гг. этому процессу мешала нелегальная миссионерская деятельность католического духовенства, то после подавления восстания до 1905 г., когда между католическим и православным духовенством внешне устанавливаются более спокойные взаимоотношения, прозелитизм католического духовенства приобретает скрытый характер. После выхода указа «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. начинается новый этап противостояния католичества и православия, который был преодолен только к 1914 году.

Литература

1. Бендин А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863-1914 гг.). – Минск: БГУ, 2010. – С. 50, 51.
2. Воинствующий католицизм // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1905. – № 12. – С. 288–297.
3. В.В. Грыгор’ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава. Канфесіі на Беларусі. Мінск: ВП «Экаперспектива». – 1998, – С. 68.
4.Зайцев Кирилл, священник. Среди католиков // Полоцкие епархиальные ведомости. –1906. – № 15. – С. 492–496.
5.Зайцев Кирилл, священник // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1905. – № 14. – С. 236–238.
6.Зайцев Кирилл, священник. В чем сила католицизма?// Полоцкие епархиальные ведомости. – 1905. – № 16. – С. 390–397.
7.Зайцев Кирилл, священник. О нашей миссии // Полоцкие епархиальные ведомости. № 14. 1905. С. 236–238.
8.Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западнорусских униатов с православною церковию в 1839 г. Изд. 2-е испр. и доп. Вильна, тип. Блюмовича, 1897. – 613 с.: 3 вкл. л. портр. С. IV.

9. Киселев А.А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. – Мн.: Изд. «Военная академия Республики Беларусь». 2007. 163 с.

10.Полоцкие епархиальные ведомости. – 1906. – № 21. – С. 790–795

11. НИАБ. Ф. 3278. Оп. 1. Д. 51. Л. 6, 6 на об., 11, 11 на об., 17. Указы Полоцкой Духовной Консистории за 1844 год.

12. НИАБ. Ф. 2531. Оп. 1, Д. 30. Л. 69 на об., 70 на об., 74 на об., 97, 98. Отчет Василия, Архиепископа Полоцкого и Витебского, о состоянии епархии за 1860 год.

13. НИАБ. Ф. 2531. Оп. 1. Д. 26. Л. 1-39. Докладной реестр входящих документов Полоцкой Духовной консистории о переходе лиц православного вероисповедания в католическое за 1855 г.

14. НИАБ. Ф.796. Оп. 1. Д. 64. Л. 125 на об. Донесения благочинных и ведомости о количестве и состоянии церквей, монастырей, церковно-приходских школ и попечительств, богаделен, больниц по благочиниям епархии за 1891 год.

15.Ополячивание латышей в Витебской губернии // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1905. – № 9. – С. 518–519.

16.Открытие миссионерского съезда-курсов для окружных и приходских миссионеров Полоцкой епархии // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1906. – № 21. – С. 790–795; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2167. Л. 10. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1906 год; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2292. Л. 6. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1908–09 гг.; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2537. Л. 6. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1912 год.

17.Первый Полоцкий Епархиальный съезд духовенства и мирян // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1906. - № 2, 3. – С. 43–48, 85–89.

18.Постановление Епархиального Миссионерского Комитета, от 24 сентября 1908 г., № 4-й, ст. 1-я, утвержденное Его Преосвященством 6 октября 1908 г. // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1909. – № 12. – С. 203–207.

19.РГИА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 23404. Л. 10 на об., 11, 11 на об. По Высочайшему повелению, сообщенному Министром внутренних дел, об оставлении в своей силе еще на два года секретной инструкции по воссоединению униатов с православием в Западных губерниях.

20. РГИА. Ф. 796. Оп. 121. Д. 1783. Л. 15 на об., 16. О вредных для Православия действиях Освейских и Лукштатских ксендзов миссионеров.

21. РГИА. Ф. 796. Оп. 114. Д. 102. Л. 2, 2 на об. По рапорту Преосвященного Полоцкого о разных обстоятельствах обративших его внимание при обозрении церквей.

22. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 19. Л. 234 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1857 год.

23. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 19. Л. 251, 252, 252 на об, 253. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1857 год.

24. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 35. Л. 406, 406 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1859 год.

25. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 389. Л. 32, 32 на об., 33. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1870 год.

26. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 19. Л. 166 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1857 год.

27. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 544. Л. 21 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1873 год.

28. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1522. Л. 74. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1894 год.

29. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 289. Л. 28 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1868 год.

30.РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 389. Л. 5 на об., 6. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1870 год.

31.РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 389. Л. 22. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1870 год; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 637. Л. 37 на об., 42. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1875 год; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1095. Л. 38. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1886 год; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1633. Л. 52 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1896 г.; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2048. Л. 20 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1904 г.

32. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 389. Л. 22. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1870 год; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1042. Л. 15 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1884 год.

33.РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2167. Л. 10. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1906 год.

34. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2107. Л. 24 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1905 год.

35. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2107. Л. 24. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1905 год.

36. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2107. Л. 10. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1905 год.

37.РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2292. Л. 6. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1908–09 гг.;

38. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2537. Л. 6. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1912 год.

39.РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2722. Л. 60 на об., 61. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1915 год.

40. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2537. Л. 6. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1912 год.

41. РГИА. Ф. 797. Оп. 9. Д. 25676. Л. 114 на об. О Высочайше утвержденных мерах к устранению совращений из православия по западным епархиям.

42. РГИА. Ф. 797. Оп. 10. Д. 27496. Л. 3. По отношению Преосвященного Полоцкого о состоянии Церкви вверенной ему епархии в уездах Люцинском, Себежском и Дриссенском.

43. РГИА. Ф. 797. Оп. 34. Д. 285. Л. 2 на об. По отношению архиепископа Полоцкого о совершенном им обозрении епархии в 1864 году.

44. РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 153. Л. 20 на об. Переписка с канцелярией обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода.

45. РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 314. Л. 8. Римско-католическая пропаганда в белорусских губерниях.

46. РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 9. Л. 166 на об. Переписка с Синодом, Канцелярией обер-прокурора Синода и других учреждений по вопросу о привлечении к православию бывших униатов Западного края, исповедающих католичество.

47. РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 936. Л. 155, 155 на об. Письма Василия, архиепископа Полоцкого и Витебского.

48. Романчук Александр, протоиерей. Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: жизнь и служение. – Мн.: Братство во имя св. Архистратига Михаила, 2012. – 180 с.

49. Яноўская В. В. Хрысціанская царква у Беларусі 1863 – 1914 гг. Мінск.: БДУ, 2002. – С. 113.